

АПРОБАЦИЯ АКТУАЛЬНЫХ МЕТОДИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА

УДК 572.2

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/335-346

Научная статья

© А. И. Бураев, Я. В. Дикий

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Статья посвящена исследованию вопросов этногенеза в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Рассмотрены две ветви этногенеза — тунгусо-маньчжурская и байкальско-монгольская (по В. П. Алексееву). Народы, относящиеся к этим ветвям, довольно близки между собой антропологически. Однако существуют и характерные отличия. Кроме того, недавние исследования не выявили ни генетических следов ассимиляции бурятами эвенкийских групп, ни включения бурятских групп в состав эвенков. На основании палеоантропологических исследований можно предположить, что носители мохэской и бурхотуйской культур региона являлись предками тунгусо-маньчжурских и монгольских народов соответственно. Изучение краниологии средневековых племен выявило некоторые антропологические несоответствия между сериями мохэ и бурхотуйцев. Учитывая современные этноисторические реалии и антропологические данные по средневековым племенам, авторы статьи делают вывод о наличии двух центров этногенеза. К середине I тыс. н. э. эти центры можно определить, как маньчжурский и монгольский. Согласно полученным данным, эвенки отделились от маньчжурских народов Приамурья, расселившись далеко на север и северо-запад по таёжной зоне Евразии. Монгольские народы, центром этногенеза которых являлось Приаргунье, продвинулись южнее — на территорию Бурятии, Монголии и Северного Китая. В то же время данные канонического анализа продемонстрировали существенное сходство мохэ и бурхотуйцев по краниологическим материалам. Авторы статьи попытались интерпретировать сложившуюся ситуацию, но для окончательных выводов необходимо проведение дальнейших палеоантропологических исследований.

Ключевые слова: антропология, бурхотуйцы, буряты, маньчжуры, монголы, мохэ, тюрки, эвенки, краниология, этногенез

Ссылка при цитировании: Бураев А. И., Дикий Я. В. Особенности этногенетических процессов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 335–346.

Бураев Алексей Игнатьевич — к. и. н., научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация, 670047 Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6). Эл. почта: buraev1961@mail.ru

Дикий Ярослав Витальевич — к. и. н., научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация, 670047 Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6). Эл. почта: yaroslavdikii@gmail.com

* Работа выполнена в рамках государственного задания «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» №121031000241-1.

UDC 572.2

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/335-346

Original Article

© *Aleksei Buraev, Yaroslav Dikiy*

ETHNOGENETIC PROCESSES IN EASTERN SIBERIA AND THE FAR EAST

The article considers two ethnogenetic branches in Eastern Siberia and the Far East: the Manchu-Tungus and the Baikal-Mongol (according to V. P. Alekseev). The peoples belonging to these branches are rather close anthropologically. However, there are characteristic anthropological differences. Recent genetic studies have not revealed genetic traces neither of assimilation of the Evenk groups by the Buryats, nor the inclusion of Buryat groups in the Evenks. The results of paleoanthropological studies suggest a genetic continuity between the population of the Mohe and Burkhotuy cultures with the modern the Manchu-Tungus and Mongol peoples respectively. A craniometric study of medieval tribes revealed certain anthropological differences between the Mohe and Burkhotuy samples. Considering modern ethno-historical realities and anthropological data on medieval tribes, the authors come to the conclusion that there were two centers of ethnogenesis. By the middle of the 1st Millennium AD these centers can be defined as Manchu and Mongolian. The Manchur center gave rise to the modern peoples of the Far East. Craniometric data suggest that the Evenks separated from the Manchu peoples of the Amur region, settling far to the north and north-west along the taiga zone of Eurasia. The Mongolian peoples, originating from the Argun region, advanced southward to the territory of Buryatia, Mongolia and Northern China. At the same time, the data from the canonical analysis demonstrated a significant similarity between the Mohe and Burkhotuy people based on cranial data. The authors try to interpret this controversy, but the problem requires further paleoanthropological research.

Keywords: *anthropology, Burkhotuys, Buryats, Manchus, Mongols, Mohe, Turkic peoples, Evenks, craniology, ethnogenesis*

Authors Info: **Buraev, Aleksei I.** — Ph.D. in History, Research Associate, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: buraev1961@mail.ru

Dikiy, Yaroslav V. — Ph.D. in History, Research Associate, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: yaroslavdikii@gmail.com

For citation: Buraev, A. I., and Ya. V. Dikiy. 2024. Ethnogenetic Processes in Eastern Siberia and the Far East. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 335–346.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences №121031000241-1.

В последние десятилетия, несомненно, возрос интерес к вопросам происхождения и этнической истории современных человеческих популяций. В научной плоскости этот интерес выражается в исследовании этногенеза современных народов и отдель-

ных этапов этнической истории регионов. Если взять этническую карту Внутренней Азии, то перед нами предстанет довольно размытая картина. Такое положение вполне объяснимо. Большинство племен и народов северной части региона вели полукочевой или кочевой образ существования. Соответственно, их жизнедеятельность характеризовалась высокой динамичностью во всех областях, прежде всего в хозяйственной и военной. Сообщества или их части мигрировали на значительные расстояния, включались в состав различных государственных объединений, контактировали с другими народами. Таким образом, кочевое население региона должно было в значительной степени метисироваться. Так оно и есть, во все исторические эпохи здесь отмечается гетерогенность антропологического состава. В то же время наблюдаются и достаточно существенные гомеостатические тенденции. Иначе трудно объяснить сохранение этнической идентичности (например, у монголов) на протяжении многих веков. Следовательно, для определения места некогда полукочевых и кочевых народов в современной этнической действительности Внутренней Азии необходимо скрупулезное изучение этногенетических процессов в исторической ретроспективе.

В настоящей работе рассматриваются этногенетические взаимоотношения тунгусо-маньчжурской и монгольской групп популяций. Казалось бы, длительное сосуществование на одной территории, устойчивые экономические связи должны были способствовать смешению эвенков и маньчжуров с бурят-монголами. Однако в 2019 г. в статье «Мозаика генофонда эвенков: забайкальский и амурский сегменты» (Агджоян и др. 2019) были опубликованы результаты изучения генофонда забайкальских и амурских эвенков на основе маркеров Y-хромосомы. Исследователи не выявили как генетических следов ассимиляции бурятами эвенкийских групп, так и включения бурятских групп в состав эвенков (Агджоян и др. 2019: 67).

Отметим, что гораздо раньше, несмотря на отсутствие тогда генетических данных, в палеоантропологии были сделаны аналогичные выводы. Так, в своей работе 1986 г. В. П. Алексеев рассматривает отдельные сибирско-маньчжурскую и байкальско-монгольскую этногенетические ветви (Алексеев 1986).

Сибирско-маньчжурская ветвь. Необходимо предварить дальнейшую интерпретацию отдельных образований этнического конгломерата Восточной Сибири и Дальнего Востока четким пониманием, что «сибирско-маньчжурская ветвь объединяет тунгусо-маньчжурские народы, занимающие огромный ареал, начиная с бассейна Енисея на западе и кончая нижним течением Амура, Приморьем и Маньчжурией на востоке» (Алексеев 1986: 90). При столь широком распространении и значительном числе тунгусо-маньчжурских народов их объединяют в группу исходя, в первую очередь, из языкового единства. По антропологическим параметрам они демонстрируют, при несомненной гетерогенности, существенное морфологическое сходство. По условной шкале выраженности монголоидных признаков, народы этой языковой группы, безусловно, занимают первое место. В то же время на такой огромной территории обитания наблюдалась существенная культурная дифференциация. Действительно, тунгусские народы по своей хозяйственной деятельности всегда были охотниками, рыболовами и в некоторой части оленеводами. Подобная ситуация во многом сохраняется и сегодня. В то же время у маньчжурских народов заметную, если не главную, роль в обеспечении жизнедеятельности играло земледелие. Так, согласно исследованиям Е. И. Дервянко, «мохэсцы занимались земледелием, скотоводством, рыболовством, охотой и звероловством, но особенно

больших успехов достигли в земледелии и скотоводстве. При обработке земли они использовали плуг и тягловую силу лошади. Плужное земледелие способствовало значительному расширению посевных площадей и более тщательной обработке земли под посевы. Согласно летописным источникам, мохэсцы «выращивали просо, сою, пшеницу, сетарию и рис» (*Деревянко 1977: 161*).

Таким образом, возникает вопрос о времени этнической дифференциации народов тунгусо-маньчжурской группы, чье языковое единство не ставится под сомнение. На данном этапе изучения проблемы прорисовывается четкая этногенетическая линия от мохэ (бохайцев на позднем этапе развития) до чжурчженей и, в конечном итоге, маньчжуров. По всей вероятности, ко второй половине I тыс. н. э. тунгусские народы определили свою этническую идентичность и отделились от маньчжурских, расселяясь в северном и северо-западном направлении и практически прекратив межэтнические контакты. Однако представляется, что в более ранние периоды контакты между двумя обозначенными группами были значительно более тесными. Подтверждением могут служить принадлежность к одной языковой группе и достаточно четко выраженное антропологическое единство. У предков маньчжурских народов, как и предков эвенков, преобладает комплекс признаков, характерных для байкальской группы популяций.

Вместе с тем, по археологическим данным, в Приамурье начиная с эпохи неолита существовало земледелие (*Окладников, Бродянский 1969*). В тот период различия между тунгусскими и маньчжурскими народами, скорее всего, отсутствовали. Огромную территорию Восточной Сибири, Приамурья и Приморья населяли близкие по этногенетическим и языковым параметрам племена. Судя по всему, центром этого довольно аморфного объединения являлась, как наиболее развитая в экономическом отношении, территория Приамурья. Именно тогда, вероятно, и зародилось единство тунгусо-маньчжурской языковой группы. Впоследствии, на протяжении I тыс. до н. э. возобладали процессы дивергенции между тунгусскими и маньчжурскими племенами. По нашему мнению, тунгусские группы (в основном — охотники) мигрировали на север, тем самым прервав связи с оставшимися на юге соплеменниками. Тем более что новая среда обитания обусловила дисперсное развитие отдельных родоплеменных образований. Мы полностью солидарны с мнением В. П. Алексеева, который писал: «...Археологический материал из Приамурья и советского Приморья демонстрирует большое число впечатляющих аналогий современному культурному комплексу тунгусов, уходящих до эпохи неолита. По-видимому, на тунгусо-маньчжурских языках говорили и жители древних государств на этой территории. Все это на новом этапе наших знаний заставляет вернуться к старой точке зрения С. М. Широкогорова о южной прародине тунгусских народов. Их переход в ходе избыточного расселения к охотничьему промыслу связан, по всей вероятности, с освоением на севере бескрайних лесных территорий» (*Алексеев 1986: 91*).

Байкало-монгольская ветвь объединяет народы центральноазиатской расы, в настоящее время представленной монголами, бурятами, тувинцами, якутами, калмыками, а также частью населения Алтае-Саянского нагорья. Скорее всего, к рассматриваемой ветви относится и часть тюркских народов Южной Сибири. Начиная с эпохи бронзы, судя по археологическим данным, главным хозяйственно-культурным типом у этих народов являлось кочевое скотоводство. Заметим, что историко-географическая область под названием «Внутренняя Азия» включает в

себя помимо Монголии, Северного Китая и севера Тибетского нагорья, территории Западного и Восточного Забайкалья, Алтая, Тувы и Хакассии. Все эти географические области, точнее, народы их населявшие, связаны общностью исторических судеб и межэтническими (зачастую антагонистическими), экономическими, социальными и политическими отношениями.

Можно говорить о разделении тунгусо-маньчжурских и тюрко-монгольских народов только начиная с эпохи бронзы. В эпоху неолита, по нашему мнению, не может быть и речи об этнической составляющей для народов азиатской части России. Безусловно, что генетические основы для дальнейшего этнообразующего процесса закладывались именно в период неолита. Но нет никаких сомнений в том, что дисперсионно существовавшие племена не осознавали свою этногенетическую идентичность. Такое осознание, по всей вероятности, пришло позднее и постепенно, на протяжении I тыс. н. э., как у тунгусо-маньчжурских, так и тюрко-монгольских народов региона. У непосредственных предков современных тюрко-монгольских народов процесс этнического размежевания начался со времени окончания хунну-сяньбийского противостояния и завершился в начале II тыс. н. э.

Однако нельзя забывать о возможном языковом единстве тунгусских, маньчжурских, тюркских и монгольских народов в рамках гипотетической алтайской языковой макросемьи. Вполне вероятно, что просматривающиеся языковые контакты отражают изначальные этногенетические связи. Антропологически все народы этой группы демонстрируют, при имеющихся различиях, существенное сходство. Различия, по нашему мнению, заключаются в разной доле европеоидной примеси в антропологическом составе отдельных этнических групп. У южносибирской расы она наибольшая, затем в порядке убывания следуют центральноазиатская и байкальская расы. Заметим, что в составе последней следы европеоидного влияния краниологически не выявляются.

Что касается хозяйственно-культурной дифференциации, то предки (хунну, сяньби, шивей, мохэ и т. д.) всех народов региона прошли через фазу сосуществования земледелия и охоты с отгонным скотоводством, на основе которого получило развитие кочевое скотоводство, характерное для аборигенов края вплоть до наших дней.

Определение времени образования современных этносов эпохой Средневековья опирается на данные письменных источников о взаимоотношениях хунну и сяньби в предшествующий период. В то время отдельные племена полностью или частично переходили из одного объединения в другое добровольно или под прямым военным принуждением, что зафиксировано документально в китайских хрониках (*Таскин* 1984: 45, 297–298). По всей видимости, переходящие практически не испытывали языковых трудностей в общении с новыми соплеменниками. Создается впечатление, что лингвистические различия были не столь существенными как в настоящее время, что заставляет вспомнить теорию об алтайском языковом единстве. В дальнейшем языковая схожесть в силу противостояния и определенной территориальной автономии уменьшалась, вплоть до полного непонимания друг друга. Соответственно, исчезало и чувство общности у некогда близких народов. По мнению В. П. Алексеева, «...осознание сходства в пределах языковой общности, с одной стороны, и осознание отличий, с другой, одновременно цементировали коллектив изнутри и усиливали его противопоставление другим извне. Психологический фактор, то есть психика группы, психология группового поведения с самых ранних этапов своего формирования выступали в этнической форме и, подобно языку, были и стимулами,

и сопровождающими явлениями этнообразования» (Алексеев 1986: 148).

Таким образом, окончательное формирование отдельных этносов на территории Внутренней Азии происходило в Средние века, что подтверждается многими исследованиями.

В нашем распоряжении имеются репрезентативные антропологические материалы эпохи Средневековья, полученные благодаря масштабным археологическим работам на исследуемой территории — Восточном Забайкалье и в средней части Приамурья. Данная территория вызывает особый интерес как район тесного взаимодействия тунгусо-маньчжурских и тюрко-монгольских народов. Именно отсюда происходят краниологические материалы по двум четко атрибутированным археологическим культурам второй половины I тыс. н. э. Однако во всех исследованиях, связанных с кочевыми народами, возникает вопрос об идентификации выявленных археологических культур с конкретными племенами или народностями, известными из письменных источников. Действительно, номады довольно быстро, по историческим меркам, меняли место проживания, порой перемещаясь на очень значительные расстояния. Кроме того, кочевые племена зачастую меняли самоназвание, принимая имя главенствующего в регионе этнополитического объединения, что, естественно, затрудняет их соотнесение с известными по летописям этнонимами. Следует также отметить, что китайские авторы зачастую имели опосредованную и, скорее всего, не совсем точную информацию о территориально удаленных от китайских государств племенах, не оказывавших существенного влияния на собственно Китай. Но в нашем случае выводы разных научных дисциплин сошлись. Средневековая культура среднего Приамурья, по данным археологических и письменных источников, напрямую связывается с мохэсками. Бурхотуйская культура в Восточном Забайкалье аргументированно отождествляется с шивейцами.

Обе культуры были открыты А. П. Окладниковым. В Приамурье выделенная им археологическая традиция I тыс. н. э. оставлена, по его мнению, мохэскими племенами (Окладников 1954; Окладников 1959). Наиболее полно все известные данные о мохэ обобщены Э. В. Шавкуновым (Шавкунов 1968). Далее работа по изучению мохэских памятников была плодотворно продолжена Е. И. Деревянко (Деревянко 1975; Деревянко 1977).

В 1998 г. С. П. Нестеровым были внесены некоторые коррективы в устоявшиеся представления о троицкой группе памятников. Он отнес эту группу к (сумо) мохэ, и датировал начало их переселения второй половиной VIII в. н. э. (Нестеров 1998: 104). Дальнейшая судьба населения, оставившего Троицкий могильник, представляется С. П. Нестерову следующим образом: «Итак, на вопрос о реальности существования в Приамурье амурских чжурчжэней следует ответить положительно, с небольшой хронологической поправкой на то, что данный этноним применим к их культуре, появившейся здесь не ранее VIII–IX вв., начиная с X в. Ранее это была культура переселившихся сюда бохайских (сумо) мохэ» (Нестеров 1998: 96). Далее, во избежание путаницы в китайских этнонимах, население, оставившее Троицкий могильник, в настоящей работе будет именоваться просто мохэ.

В Восточном Забайкалье А. П. Окладниковым была открыта синхронная с памятниками мохэ бурхотуйская культура (Окладников 1960: 16–30). В дальнейшем памятники этой культуры исследовали И. И. Кириллов и Е. В. Ковычев (Кириллов 1979, Ковычев 1984). Принято связывать носителей бурхотуйской культуры с племенами шивэй, известными по китайским письменным источникам.

Существенную роль в прояснении вопроса о генетических взаимоотношениях носителей указанных археологических культур могут сыграть палеоантропологические данные, тем более что мы имеем репрезентативные краниологические серии как мохэ, так и бурхотуйцев.

Краниология мохэ представлена материалами из открытого в 1967 г. А. П. Деревянко и в дальнейшем исследованного Е. И. Деревянко известного Троицкого могильника. Полную характеристику весьма значительной серии из 60 черепов дал В. П. Алексеев в статье «Материалы по краниологии мохэ» (Алексеев 1980: 106–130, Табл. 1–4). Были отмечены гомогенность серии и крайняя степень выраженности монголоидных особенностей у мохэ. Ученый сопоставил черепа из Троицкого могильника с современными представителями центральноазиатской и байкальской групп популяций восточноазиатских и дальневосточных народов. Им была выдвинута идея о родстве мохэ с восточноазиатскими и дальневосточными монголоидами. В то же время констатировалось, что мохэ «являлись носителями комплекса морфологических признаков байкальской группы популяций» (Алексеев 1980: 119–122). Также было отмечено самостоятельное положение мохэской серии и относительная близость ее к краниологическому типу ульчей и нанайцев среди современных носителей байкальской комбинации признаков. На основании анализа всех фактов В. П. Алексеев высказал следующую гипотезу: «Состоя в близком биологическом родстве с современными тунгусо-маньчжурскими народами Амура, мохэ, по всей вероятности, не составили преобладающей основы ни для одного из них и приняли участие в формировании многих в качестве одного из составных компонентов. Можно думать, что участие их в этногенезе ульчей и нанайцев было наибольшим...» (Алексеев 1980: 128–129).

Данные археологии, антропологии и палеогенетики Троицкого могильника были комплексно изучены С. А. Алкиным, Т. А. Чикишевой, М. А. Губиной, И. В. Куликовым (Алкин и др. 2008). Сравнение показало, что восточноазиатские и дальневосточные монголоиды отличаются от серии мохэ по многим существенным признакам, причем масштаб этих различий, по мнению исследователей, позволяет исключить возможность родства. Напротив, по основным признакам мохэ сближаются с представителями центральноазиатской и байкальской групп популяций внутри сибирских монголоидов. Таким образом, мохэ оказываются носителями комплекса морфологических признаков байкальской группы популяций, т. е. того же комплекса, который выражен сейчас у тунгусо-маньчжурских народов Амура, эвенов, эвенков и отдельных палеоазиатских народов, например, юкагиров.

С самого начала работы на палеоантропологическом материале из Троицкого могильника выявились своеобразные признаки. В частности, обратили на себя внимание одонтологические черты, не свойственные зубному комплексу континентальных монголоидов. Особо следует отметить наличие следов посмертных манипуляций с телом и костями погребенных, которые расширяют представления о ритуальном комплексе. (Алкин и др. 2008: 204).

Краниологические материалы бурхотуйской культуры составляет серия из 25 черепов. Их подробное описание и характеристика приведены в монографии «Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии» (Бураев 2000). Поэтому отметим лишь практическую гомогенность серии и ее выраженную монголоидность. Сопоставление с другими средневековыми группами региона выявило большое сходство носителей бурхотуйской культуры со сменившими их в За-

байкалье средневековыми монголами (Бураев 2000: 57–58, 63–64). Из современных народов наиболее близкими к бурхотуйцам оказались буряты и монголы, типичные представители центральноазиатской группы популяций. От бурхотуйцев мохэ отличаются бóльшая высота черепа и менее покатый лоб, резко выраженный ортогнатизм лицевого скелета, намного сильнее уплощенного на уровне назиона, слабее выступающие носовые кости и переносье, причем расхождение по этим параметрам между сравниваемыми группами является довольно значительным (Табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные данные по мохэ и бурхотуйцам

Признаки	Мужчины		Женщины	
	Мохэ	Бурхотуйцы	Мохэ	Бурхотуйцы
1	181,6	184,2	177,9	176,0
8	144,5	146,4	136,6	142,5
8:1	80,3	79,6	77,2	81,3
17	134,5	127,4	131,9	122,0
9	90,5	89,6	90,7	87,3
5	101,9	99,7	98,6	94,2
40	95,1	97,4	96,1	95,2
45	139,7	138,5	129,5	133,5
48	73,7	74,4	70,9	72,4
72	89,8	86,4	87,2	86,0
77	152,8	148,0	148,9	147,8
Zm	137,9	136,4	135,9	136,5
DS:DC	41,7	44,8	38,6	44,2
SS:SC	32,8	49,4	28,5	36,1
75(1)	16,3	20,9	14,2	16,0

Источники: (Алексеев 1980: Табл. 5, 6; Бураев 2000: Табл.1, 2).

Таким образом, близкородственные отношения между шивэй и мохэ не подтверждаются палеоантропологическими данными. В более общем плане можно сделать следующее предположение: носители культуры средневековых мохэ приняли непосредственное участие в формировании тунгусо-маньчжурских народов Амура, не оказав существенного влияния на этногенез монголов и бурят, происхождение которых связано со средневековыми племенами бурхотуйской культуры Забайкалья.

Краниологические материалы из Приамурья и Забайкалья отчетливо фиксируют, что в эпоху раннего Средневековья на этих сопредельных территориях проживали племена, близкие по материальной культуре, но существенно различавшиеся по антропологическим характеристикам.

Что касается многочисленных свидетельств авторов китайских летописей о родстве мохэ и шивэй, следует признать или их неосведомленность на данный счет, или недооценку ими фактора этногенетической стабильности при временном господстве одного

племенного объединения над другим (или его частью). Последнее предположение подразумевает, что при возвышении какого-либо племени в регионе другие племена, тем или иным способом вовлеченные в созданное надэтническое образование и перенявшие название господствующего племени, сохраняли свою этническую специфику.

Пока нет данных о том, когда возникла отмеченная выше этногенетическая дифференциация (мохэ — шивэй), но несомненен факт, что подобная ситуация (для аборигенных народов Внутренней Азии) сохраняется и в настоящее время. Это еще раз указывает исследователям на то, что при этногенетических реконструкциях нельзя не учитывать значительную устойчивость этнических традиций, предпочтений и запретов (в том числе и в брачных контактах).

Для территории исследования сделанное заключение позволяет выдвинуть следующую гипотезу: на протяжении огромного периода времени (I–II тыс. н. э.) вопреки мощным миграционным процессам здесь сохранялись своеобразные ядра, субстраты тунгусо-маньчжурских и монгольских народов.

По краниологическим данным, население Троицкого могильника (мохэ) существенно отличается от представителей бурхотуйской культуры. С другой стороны, средневековые мохэ достаточно близки к современным тунгусо-маньчжурским народам Дальнего Востока. В то же время популяция бурхотуйской культуры практически идентична другим средневековым сериям монгольских племен Забайкалья и Монголии. При этом средневековые серии обнаруживают непосредственное сходство с современными монголоязычными народами. Результаты проведенного анализа главных компонент в целом соответствуют выводам по данным краниометрии.

Таким образом, на территории Внутренней Азии по крайней мере с эпохи Средневековья выявляется два древних центра этногенеза: тунгусо-маньчжурский и центрально-азиатский (все монголоязычные и некоторые тюркоязычные народы). На основании анализа полученных данных, можно предположить, что на протяжении первой половины I тыс. н. э. на территории исследования формируются социально-политические сообщества разного уровня, осознающие принадлежность к одному этносу и свое отличие от соседних и более отдаленных сообществ. Такое осознание позволило многим из них сохранить этническую и генетическую идентичность и передать ее потомкам.

Однако результаты проведенного авторами канонического дискриминантного анализа показали более сложную этногенетическую ситуацию на исследуемой территории, которая допускает возможность генетического смешения древних народов тунгусо-маньчжурской и байкало-монгольской ветвей (Рис. 1).

В анализ были включены 15 групп: еравнинская (объем выборки — 4), раннемонгольская культура (36), бурхотуйская культура (16), древнемонгольская культура (11), ундугунская культура (4), мохэ (25), эвенки (28), ульчи (31), орочи (8), нанайцы (11), негидальцы (16), западные буряты (36), тункинские буряты (37), забайкальские буряты (45), монголы (80). Для анализа были отобраны признаки, указанные в Табл. 1. Признаки были выбраны на основании имеющихся краниологических измерений черепов мохэ В. П. Алексеевым. Анализ проводился по мужским сериям.

Процент изменчивости по первому каноническому вектору составил 56,7%, по второму вектору — 16,7%. Наибольшую нагрузку на первый вектор дали следующие признаки: 17 (высотный диаметр базион-брегма), 9 (наименьшая ширина лба), 40 (длина основания лица), 77 (назюмалярный угол), ZM (зигомаксилярный угол).

По второму каноническому вектору наибольшая нагрузка пришлась на угол носовых костей к линии профиля — 75(1).

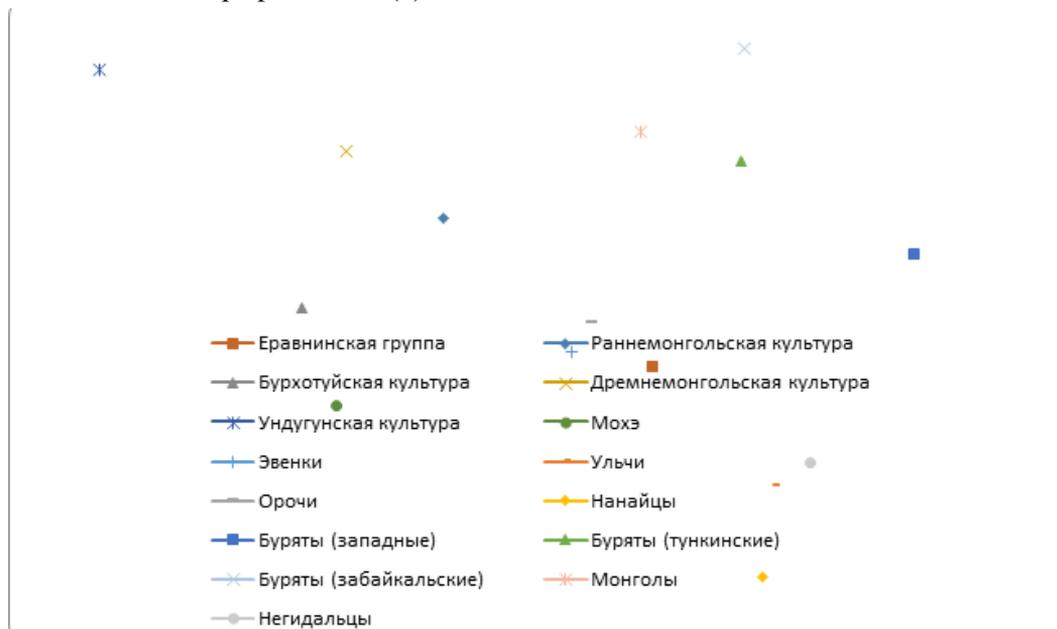

Рис. 1. Распределение исследованных средневековых и современных групп в пространстве первого и второго канонических векторов

Из проведенного анализа следует, что бурхотуйская, древнемонгольская и раннемонгольская культуры, с одной стороны, и мохэ — с другой, по первому каноническому вектору близки, что может свидетельствовать о генетических контактах представителей этих популяций. Причем наибольшее сходство продемонстрировали серии бурхотуйской, мохэской и древнемонгольской культур.

По мнению д. и. н, проф. О. В. Дьяковой, известного специалиста по средневековой археологии Дальнего Востока, племена мохэ довольно значительно различаются в археологической составляющей (из личной беседы — А. Б.). А именно, выделяется троицкая группа мохэ, в материальной культуре которых прослеживается существенное влияние восточно-забайкальских средневековых археологических культур. С точки зрения антропологии, можно сделать предположение и о генетических связях части мохэ и бурхотуйцев, что подтверждается археологическими материалами. Возможно, часть троицких мохэ, имевшая родственные связи с племенами шивэй, проживавшими по соседству, в конечном итоге влилась в их племенное объединение, на что указывают результаты проведенного канонического анализа.

Кроме того, коллеги-генетики исследовали современные эвенкийские группы, предки которых, возможно, к середине I тыс. н. э. генетически отличались от предков (мохэ) современных дальневосточных народов.

Подводя итог, следует, прежде всего, отметить, что противоречивые выводы о том имело ли место в процессе этногенеза аборигенных народов Внутренней Азии смешение двух этногенетических ветвей — тунгусо-маньчжурской и байкало-монгольской, вызваны коллизией между данными краниологии и генетики, точнее, между двумя методами многомерной статистики (анализ главных компонент и канонический анализ).

Таким образом, создавшаяся ситуация обозначила необходимость дальнейших палеоантропологических и палеогенетических исследований, в основном по маньчжурскому кластеру. Для получения более четких и ясных результатов особенно остро встает вопрос об изучении палеоантропологических материалов по другим, отличным от населения, оставившего Троицкий могильник, группам средневековых мохэ.

Научная литература

- Агджоян А. Т., Богунов Ю. В., Богунова А. А., и др. Мозаика генофонда эвенков: забайкальский и амурский сегменты // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. 2019. № 3. С. 67–76. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.3.067-076>
- Алексеев В. П. Материалы по краниологии мохэ // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 106–130.
- Алексеев В. П. Этногенез. М.: Высшая школа, 1986. 176 с. (Библиотека историка).
- Алкин С. В., Чикишева Т. А., Губина М. А., Куликов И. В. Археология, антропология и палеогенетика Троицкого могильника (культура мохэ): первые результаты комплексного анализа // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1: Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. СПб.: Наука, 2008. С. 202–207.
- Бураев А. И. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. 128 с.
- Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975. 250 с.
- Деревянко Е. И. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.
- Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск: ИркГПИ, 1979. 98 с.
- Ковычев Е. В. История Забайкалья (I — середина II тыс. н. э.). Иркутск: ИркГПИ, 1984. 82 с.
- Ковычев Е. В. Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху средневековья (по археологическим данным) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С. 21–27.
- Нестеров С. П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Изд-во Инст. археологии и этнографии СО РАН, 1998. 184 с.
- Окладников А. П. У истоков культуры народов Дальнего Востока // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М.: Госкультпросветиздат, 1954. С. 225–260.
- Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток: Приморское книжное изд-во, 1959. 286 с.
- Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье // Труды Бурят. комплекс. НИИ. 1960. Вып. 3: Востоковедение. С. 16–30.
- Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Дальневосточный очаг древнего земледелия // Советская этнография. 1969. № 2. С. 3–14.
- Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 487 с.
- Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 164 с.

References

- Agjoyan, A. T., Yu. V. Bogunov, A. A. Bogunova et al. 2019. Mozaika genofonda evenkov: zabai-kalskii i amurskii segmenty [Mosaic of the Evenk Gene Pool: Trans-Baikal and Amur Segments]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Antropologiya* 3: 67–76. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.3.067-076>
- Alekseev, V. P. 1980. Materialy po kranologii mohe [Materials on the Craniology of Mohe]. In *Paleoantropologiya Sibiri* [Paleoanthropology of Siberia], ed. by A. P. Okladnikov, V. P. Alekseev. Moscow: Nauka. 106–130.
- Alekseev, V. P. 1986. *Etnogenez* [Ethnogenesis]. Moscow: Vysshaya shkola. 176 p.

- Alkin, S. V., T. A. Chikisheva, M. A. Gubina and I. V. Kulikov. 2008. Arkheologiya, antropologiya i paleogenetika Troitskogo mogil'nika (kul'tura mokhe): pervye rezul'taty kompleksnogo analiza [Archaeology, Anthropology and Paleogenetics of the Trinity Burial Ground (Mohe culture): the First Results of a Comprehensive Analysis]. In *Problemy biologicheskoi i kul'turnoi adaptatsii chelovecheskikh populiatsii* [Problems of Biological and Cultural Adaptation of Human Populations] Vol. 1. *Arkheologiya. Adaptatsionnye strategii drevnego naseleniia Severnoi Evrazii: syr'e i priemy obrabotki* [Archaeology. Adaptation Strategies of the Ancient Population of Northern Eurasia: Raw Materials and Processing Techniques], ed. by G. A. Khlopachev. Saint Petersburg: Nauka. 202–207.
- Buraev, A. I. 2000. *Srednevekovoe naselenie Pribaikal'ia i Zabaikal'ia po dannym kranologii* [The Medieval Population of the Baikal Region and Transbaikalia According to Craniology]. Ulan-Ude: BNC SO RAN. 128 p.
- Derevyanko, E. I. 1975. *Mokheskie pamyatniki Srednego Amura* [Mohe Monuments of the Middle Amur]. Novosibirsk: Nauka. 250 p.
- Derevyanko, E. I. 1977. *Troitskii mogil'nik* [Troitskiy Burial Ground]. Novosibirsk: Nauka. 224 p.
- Kirillov, I. I. 1979. *Vostochnoe Zabaikal'e v drevnosti i srednevekov'e* [Eastern Transbaikalia in Antiquity and the Middle Ages]. Irkutsk: IrkGPI. 98 p.
- Kovychev, E. V. 1984. *Istoriia Zabaikal'ia (I — seredina II tys. n. e.)* [The History of Transbaikalia (I — the middle of the II millennium AD)]. Irkutsk: IrkGPI. 82 p.
- Kovychev, E. V. 1989. Etnicheskaia istoriia Vostochnogo Zabaikal'ia v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim dannym) [The Ethnic History of Eastern Transbaikalia in the Middle Ages (According to Archaeological Data)]. In *Etnokul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka* [Ethnocultural Processes in Southeastern Siberia in the Middle Ages], ed. by T. M. Mikhailov. Novosibirsk: Nauka. 21–27.
- Nesterov, S. P. 1998. *Narody Priamur'ia v epokhu rannego srednevekov'ia* [The Peoples of the Amur Region in the Early Middle Ages]. Novosibirsk: Izdatelstvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. 184 p.
- Okladnikov, A. P. 1954. U istokov kul'tury narodov Dal'nego Vostoka [At the Origins of the Culture of the Peoples of the Far East]. In *Po sledam drevnikh kul'tur: Ot Volgi do Tikhogo okeana* [In the Footsteps of Ancient Cultures: From the Volga to the Pacific Ocean], ed. by G. B. Fedorov. Moscow: Goskultprosvetizdat. 225–260.
- Okladnikov, A. P. 1959. *Dalekoe proshloe Primor'ia* [The Distant Past of Primorye]. Vladivostok: Primorskoe knizhnoe izdatelstvo. 286 p.
- Okladnikov, A. P. 1960. Burkhotuiskaia kul'tura zheleznogo veka v Iugo-Zapadnom Zabaikal'e [The Burkhotui Culture of the Iron Age in Southwestern Transbaikalia]. In *Trudy Buryatskogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Vostokovedenie* [Proceedings of the Buryat Integrated Research Institute. Oriental studies], ed. by K. M. Gerasimova et al. Vol. 3. 16–30.
- Okladnikov, A. P. and D. L. Brodianskii. 1969. Dal'nevostochnyj ochag drevnego zemledelija [The Far Eastern Centre of Ancient Agriculture] *Sovetskaja jetnografija* 2: 3–14.
- Shavkunov, E. V. 1968. *Gosudarstvo Bohai i pamyatniki ego kultury v Primorie* [The State of Bohai and its Cultural Monuments in Primorye]. Leningrad: Nauka. 164 p.
- Taskin, B. C. 1984. *Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu* [Materials on the History of the Ancient Nomadic Peoples of the Donghu Group]. Moscow: Nauka. 487 p.